

Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация

Аннотация. Масштабная цифровизация общественных процессов охватывает всё больше сфер человеческой деятельности, включая уголовное судопроизводство. Вместе с тем в условиях цифровизации и вероятной цифровой трансформации важно сохранить нравственный базис уголовного судопроизводства. В статье рассматривается вопрос о степени устойчивости нравственных основ уголовного процесса перед новейшими цифровыми веяниями, анализируется вероятность изменений системы нравственных начал в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации. Автор приходит к выводу о том, что отечественное уголовное судопроизводство находится на начальных этапах цифровизации и этот процесс в данный момент не несет серьезных угроз его нравственным началам. По мере внедрения различных информационно-технологических новшеств (искусственный интеллект, робототехника, нейросети и др.) в сферу уголовного процесса риск подрыва его нравственных основ существенно возрастает. Таким образом, сохранность нравственных начал в уголовном судопроизводстве находится в прямой зависимости от пределов его цифровизации. В целом обеспечить защищенность принципиальных положений уголовно-процессуального законодательства, в основе которых лежат нормы нравственности, возможно при соблюдении в процессе внедрения цифровых технологий важных условий гуманистического характера. Применение же технократического подхода в ходе цифровизации уголовного судопроизводства способно нанести непоправимый вред нравственно-правовым основам уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: нравственные начала уголовного процесса; принципы уголовного судопроизводства; нормы нравственности; цифровизация уголовного процесса; цифровые технологии; цифровая трансформация; искусственный интеллект; нейросети; роботы в уголовном процессе; робототехника; технократический подход.

Для цитирования: Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 136–149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149.

© Миронова Е. Ю., 2023

* *Миронова Екатерина Юрьевна*, аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, директор АНО «Центр правовой защиты «Солидарность и содействие»»
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Россия, 664003
zpu2013@yandex.ru

Moral Principles of the Criminal Procedure in the context of Digitalization: Fundamental Inviolability or Inevitable Transformation

Ekaterina Yu. Mironova, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University; Director, ANO Legal Defense Center «Solidarity and Assistance»
ul. Lenina, d. 11, Irkutsk, Russia, 664003
zpu2013@yandex.ru

Abstract. Large-scale digitalization of social processes covers more and more areas of human activity, including criminal justice. At the same time, in the context of digitalization and likely digital transformation, it is important to preserve the moral basis of criminal proceedings. The paper discusses the degree of stability of the moral foundations of the criminal procedure in the face of the latest digital trends, analyzes the likelihood of changes in the system of moral principles in criminal proceedings in the context of digitalization. The author concludes that domestic criminal justice is at the initial stage of digitalization. At the moment this process does not pose serious threats to its moral principles. As various information and technological innovations (artificial intelligence, robotics, neural networks, etc.) are introduced into the criminal procedure, the risk of undermining its moral foundations increases significantly. Thus, the safety of moral principles in criminal proceedings is directly dependent on the limits of its digitalization. In general, it is possible to ensure the security of the fundamental provisions of the criminal procedural legislation, which are based on moral norms, if important conditions of a humanistic nature are observed in the process of introducing digital technologies. The use of a technocratic approach in the course of digitalization of criminal proceedings can cause irreparable harm to the moral and legal foundations of criminal procedure.

Keywords: moral principles of criminal procedure; principles of criminal justice; moral standards; criminal procedure digitalization; digital technologies; digital transformation; artificial intelligence; neural networks; robots in criminal proceedings; robotics; technocratic approach.

Cite as: Mironova EYu. Nравstvennye nachala ugovnogo protsesssa v usloviakh tsifrovizatsii: printsipialnaya nezyblemost ili neizbeznaia transformatsiya [Moral Principles of the Criminal Procedure in the context of Digitalization: Fundamental Inviolability or Inevitable Transformation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):136-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.136-149. (In Russ., abstract in Eng.).

Прогресс зашел так далеко,
что потерял из виду людей.
Г. Е. Малкин¹

Мир стремительно меняется. Всё население земного шара является тому свидетелем, а кто-то более сведущий и могущественный — активным участником всеобъемлющей имплементации результатов новаторских изысканий в повседневную жизнь. Ощущение того, что глобальные коренные перемены неизбежны, укрепляется и находит всё больше подтверждений в современной дей-

ствительности. Вопрос о принятии или непринятии перемен решается на индивидуальном уровне. Однако идет ли в данном случае речь об истинном выборе индивида или такое решение принимается последним под воздействием методично и насильственно насаждаемых убеждений, сказать однозначно утвердительно — рискованный акт. Вместе с тем один важный вывод можно сделать уже сейчас: каждый

¹ Малкин Г. Е. Мудрые мысли // URL: <http://www.epwr.ru/quotauthor/232/txt16.php> (дата обращения: 21.02.2022).

человек, вне зависимости от социального статуса, расы, национальности, языка, религиозных убеждений и иных обстоятельств, способен внести свою лепту в разрешение актуального и величайшего по значимости вопроса: быть или не быть цифровому мироустройству?

Частью нового цифрового мира способен стать и уголовный процесс. По крайней мере, такую идею настойчиво укореняют в умах, так что явление это уже, вероятно, преодолело переход в разряд коллективного бессознательного. Сложность состоит в том, что одного лишь внушения и повелительного формального начертания недостаточно для того, чтобы уголовно-процессуальная форма обрела виртуальные характеристики и начала эффективно и бесперебойно функционировать.

Уголовное судопроизводство в России имеет специфические характеристики не только с точки зрения формы и не только в рамках правового поля. Для отечественного уголовного процесса характерна крепкая и тесная связь с определенным образом мыслей и духовными установками народа России. Иначе говоря, ментальность вживлена в уголовно-процессуальную форму и является своеобразным щитом как для локальных изменений, так и для глобальных преобразований. И применительно к базовым правовым и нравственным началам уголовно-процессуальной деятельности этот щит видится явлением положительного порядка.

Над будничными же мероприятиями, проводимыми в рамках «рутинного» уголовного судопроизводства (там, где ежедневно возбуждаются уголовные дела, проводятся следственные действия, последовательно отображаемые в протоколах, где следователь или дознаватель вопрошают судебных санкций на производство отдельного следственного действия или применение меры пресечения, где непрерывно возникают процессуальные okazии аналогичного толка), цифровое будущее нависает несколько более угрожающим и неминуемым ярмом.

Во всяком случае, в свете грядущих в недалекой перспективе перемен действующим правоприменителям, оказавшимся под горячей рукой цифрового маховика, придется преодолеть некоторые впечатляющие испытания, терпеливо

дожидаясь времен «переваривания и усвоения» уголовным судопроизводством прогрессивных научно-технических компонентов в существующих условиях, отнюдь не располагающих к близким процессуально-цифровым метаморфозам.

На этом этапе научного нарратива хотелось бы оговорить, что перевод цифровых технологий в разряд повсеместных и обыденных не видится исключительно игром, способным к угнетению всех областей жизнедеятельности, где человеческие отношения играют важную или даже первостепенную роль. Однако употребительно к цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, думается, что следует опасаться вольных или невольных попыток вторжения в пространство, где главным образом сосредоточены нормы, в основе которых лежат нравственные начала. Так, при отсутствии нравственно-гуманистического подхода в процессе оцифровывания уголовно-процессуального пространства под потенциальной или реальной угрозой могут оказаться:

- назначение и принципы уголовного судопроизводства;
- процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, обладающих властными полномочиями (дознателя, следователя, руководителя следственного органа и др.);
- недопустимость разглашения данных предварительного расследования, а также иные общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства.

Кроме того, серьезным преобразованиям может быть подвергнута большая и значимая сфера доказательств и доказывания в уголовном процессе.

Таким образом, очевидно, что трудности не просто не исключены в этой гонке скоростной цифровизации — они неизбежны. Примечательно, что проявляться они начали прежде, чем появились реальные предпосылки для тотального оцифровывания уголовного процесса. Научное сообщество, будучи самой проницательной и податливой к размышлениям частью социума, ведет оживленные и интеллектуально изощренные споры на этот счет относительно давно, порой доводя до абсурда и фантастической фатальности свои умозаключения.

Так, например, видится совершенно не радужной ситуация, описываемая А. С. Александровым, при которой «субъектом расследования вместо следователя может стать любой пользователь цифровых технологий» или даже «робот», «бот», а «обработка обращений и жалоб граждан будет осуществляться искусственным интеллектом»². А ведь у каждого из этих граждан сугубо личное дело (иначе и быть не может), своя «болезненная» история, проблема, степень сложности которой не позволила ей разрешиться без участия компетентных органов и должностных лиц. К прогнозам же относительно роли и участия следователя в уголовном процессе мы еще вернемся в рамках настоящей работы.

Пассионарно и революционно звучит суждение того же автора о неминуемой реформации теории доказательств и уголовно-процессуального доказывания. Так, доказательства в новом цифровом мире видятся А. С. Александрову исключительно как «цифровая информация», а предметом доказывания вместе с тем станут «обстоятельства цифровой реальности»³.

Вызывает желание дискутировать озадачивающее мнение С. В. Власовой, которая указывает, что «информация, пригодная для принятия судом решения по уголовному делу, может храниться и передаваться любыми носителями (электронными носителями), равно как и через любые технические каналы связи»⁴. В данной связи невозможно не упомянуть о незыблемости тайны следствия, как бы архаично это

ни звучало, и острейшей необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, что представляется весьма сложным при передаче процессуально значимой информации «любыми» каналами связи, включая общие незащищенные сети.

Необыкновенно точно авторов умопомрачительных высказываний относительно эпохально новой цифровой судьбы уголовного процесса Л. В. Головки именует «адептами тотальной цифровизации», указывая на классический характер проблемы использования научно-технических достижений в уголовном процессе: ведь на «взрывную» научно-техническую революцию середины XX в. со всеми закономерными фундаментальными изменениями уголовно-процессуальная наука отреагировала «достаточно спокойно и без утопий»⁵.

Представляются верными выводы А. В. Победкина, указывающего на настораживающее массовое сосредоточение в научной уголовно-процессуальной среде на теме внедрения цифровых технологий, что вызвано скорее не действительной стойкой потребностью в последних, а модой и желанием воспроизвести эффект реформ⁶.

Однако природа подобных умонастроений имеет корни более глубокие, далеко выходящие за пределы внутригосударственных. Ведь бесспорно существование на международном уровне «элитных реплик», авторитетных мнений, которые способны существенным образом повлиять как на взгляд общественности, так и

² Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 136.

³ Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 29–30.

⁴ Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9.

⁵ Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15, 20.

⁶ Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 51.

на решения, принимаемые правительствами тех или иных государств⁷. Так, серьезный вес на мировой арене имеет мнение президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, который посвятил надвигающимся с небывалой скоростью изменениям ряд трудов. Один из его бестселлеров именован не много ни мало «Четвертой промышленной революцией». В ней авторитетный немецкий экономист указывает на ошибочность взглядов некоторых представителей научных кругов и профессиональных сообществ, которые рассматривают происходящие ныне процессы лишь как «составляющую часть третьей промышленной революции». Опровергая подобные суждения, автор приводит ряд аргументов в пользу полной готовности мирового сообщества к фундаментальной трансформации существующей реальности, апеллируя тем, что тесное сосуществование технологии и общества неотвратимо⁸.

Анализ современной научно-популярной литературы подтверждает беспрецедентность технологических разработок и решений, их революционность с научной, технической, социальной и правовой точек зрения. Например, И. А. Филипова приводит данные о процессе создания нейросетей, природоподобных киборгов и не исключает успехи ученых в разработке искусственного сверхинтеллекта, который должен, по замыслу создателей, существенно превосходить интеллект всего человечества⁹, а Е. С. Ларина, В. С. Овчинский приводят научное обоснование необходимости использования возможностей искусственного интеллекта в борьбе с организованной преступностью¹⁰.

Убедительное звучание придает этим рассуждениям анализ перечня нормативных новелл в области стратегического планирования, которые иллюстрируют формальную готовность государства к проведению широкомасштабной акции по налаживанию цифрового пространства в России. Среди нормативных актов, обличающих правительственные планы в сфере цифровизации, можно выделить Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»¹¹, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹², а также указы Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы»¹³, от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁴, от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁵, распоряжения Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»¹⁶, от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления

⁷ Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. 2019. Vol. 30. № 4. P. 1281.

⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2016. С. 10–12.

⁹ Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. С. 19.

¹⁰ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М. : Книжный мир, 2018. С. 8.

¹¹ СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

¹² СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

¹³ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹⁴ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

¹⁵ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

в области цифровой трансформации государственного управления»¹⁷ и др.

Вместе с тем даже наличие нормативно оформленных стратегических целей и планов государства в области цифровизации не умаляет потребности в определении понятия цифровизации и смежных явлений.

Под цифровизацией в широком смысле понимается процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни. Наряду с этим понятием употребляются такие термины, как «цифра», «оцифровывание», «цифровое развитие», «цифровая трансформация», которые также требуют определения и истолкования.

Согласно Стратегии цифровой трансформации, разработанной на базе РАНХиГС, цифровизация представляет собой улучшение существующих процессов путем внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений. При этом авторы указанной Стратегии употребляют термин «цифра» как многозначительный, то есть понимают под этим термином любые этапы и процессы цифровизации. Вместе с тем цифровую трансформацию здесь рассматривают как конечный этап цифровизации, как глубокую реорганизацию бизнес-процессов с широким применением цифровых инструментов их исполнения, способную привести к существенному улучшению их характеристик или появлению принципиально новых качеств и свойств¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что российский законодатель уже находится на пути разработки легального понятийного аппарата в области цифровизации.

Так, существует приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проек-

тов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁹. Из пункта 3 разд. 1 указанного документа следует, что под цифровизацией понимается процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий. Примечательно, что цифровизация здесь отождествляется с понятием «цифровое развитие».

Следует отметить, что в гражданском законодательстве РФ в числе объектов гражданских прав фигурируют теперь цифровые права (ст. 128, 141.1 ГК РФ, Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰).

Однако в рамках настоящего исследования необходимо определиться с тем, что следует понимать под цифровизацией уголовного процесса и какие именно цифровые технологии используются сейчас и могут быть использованы в будущем в уголовном процессе.

Цифровизацию уголовного судопроизводства можно рассматривать как самостоятельный этап развития либо как совокупность последовательных стадий, включающих в себя автоматизацию стадий уголовного процесса (ведь без автоматизации невозможно было бы продвижение в сторону внедрения цифровых технологий), непосредственно цифровизацию как процесс внедрения имеющихся информационно-цифровых новшеств в сферу уголовного судопроизводства, и при совпадении условий успешного их укоренения в практической деятельности и готовности к внедрению новейших технологических разработок с доказанной жизнеспособ-

¹⁷ СЗ РФ. 2021. № 44. Ст. 7467.

¹⁸ Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. М. : РАНХиГС, 2021. С. 22.

¹⁹ URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkomsvjazi-Rossii-ot-01082018-n-428-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 25.02.2022).

²⁰ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

ностью, таких как большие данные (big data), искусственный интеллект и сверхинтеллект, нейросети, можно будет говорить о наступлении стадии цифровой трансформации и состоявшейся цифровизации.

Итак, представляется, что цифровизация уголовного процесса — это совокупность мероприятий по внедрению цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность с целью ее совершенствования и повышения эффективности.

Прежде чем перейти к обозначению цифровых технологий, используемых в уголовном процессе, необходимо внести ясность в вопрос о месте цифровых технологий среди других ИТ-технологий и определить, что цифровые технологии относятся к числу информационных, поскольку предназначены для сбора, обработки, отображения, хранения и передачи данных. Вместе с тем существуют и иные виды информационных технологий, например механические, электронные, аналоговые и др.

Если рассматривать автоматизацию некоторых стадий уголовного судопроизводства как часть цифровизации, то к числу цифровых технологий, которые уже нашли применение в уголовном судопроизводстве, следует отнести систему автоматизированного учета статистических карточек и электронные алфавитные указатели в программных средствах государственной автоматизированной системы «Правосудие» (приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»²¹), подключение к сети Интернет, а также аппаратному обеспечению (серверу), на котором функционирует модуль АМИРС²², предназначенный для автоматизации процессов судебного делопроизводства и информационного сопровождения всех ста-

дий судебного рассмотрения уголовного дела, системы видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 399 УПК РФ), средства аудио- и видеофиксации, средства оповещения участников уголовного процесса, в качестве которых используются чаще всего смартфоны, а также технологию по пересылке и получению электронных писем (электронная почта), интегратор судебных решений судов судебной системы Российской Федерации (sudact.ru).

Кроме того, существует законодательная возможность трансляции открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в стадии реализации находится автоматизация и информатизация деятельности судов, где, в частности, одним из направлений выступает оснащение всех судов оборудованием скрытого допроса свидетелей и потерпевших без возможности их визуального наблюдения²³.

В приведенной ниже таблице представлены данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ о востребованности видео-конференц-связи, аудио-, видеопотоколирования в судебных заседаниях при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции за период с 2017 по 2021 г. (первое полугодие)²⁴ (см. таблицу на с. 143).

Приведенные данные свидетельствуют о нарастающей небывалыми темпами популярности видео-конференц-связи и аудио-, видеопотоколирования в уголовном процессе, что объясняется возросшей в период действия ограничительных мер, принятых в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, потребностью в дистанционных и иных цифровых технологиях в сфере судопроизводства.

²¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (дата обращения: 05.03.2022).

²² Справочная АМИРС (Модуль интеграции с участками мировых судей) // URL: https://amirs.tverreg.ru/search_form.php?delo_id=1540006 (дата обращения: 05.03.2022).

²³ Информатизация деятельности судов / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=224> (дата обращения: 06.03.2022).

²⁴ Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.03.2022).

Год	Число дел (материалов), по которым использовалась видео-конференц-связь	Число судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи (количество дней)	Число дел (материалов), по которым использовалось		Число судебных заседаний (количество дней), в которых проводилась аудио-, видеозапись
			аудиопроото-лирование	видеопроотолирование	
2017	82 494	96 368	83 151	18 855	нет данных
2018	93 184	108 570	110 691	22 281	263 677
2019	98 942	118 352	459 679	38 883	904 970
2020	115 932	147 256	1 082 702	60 132	2 169 178
2021 (первое полугодие)	50 650	60 741	600 159	41 491	1 244 327

Что касается проникновения цифровых технологий в досудебные стадии уголовного процесса, то существует возможность обращения с заявлением о преступлении посредством заполнения электронной формы на официальном сайте МВД России. Для этого необходимо во вкладке «Для граждан» выбрать пункт «Прием обращений граждан и организаций». Пользователи смартфонов могут также подать заявление о преступлении посредством приложения «МВД России», действующего для операционных систем iOS и Android.

Хотя в ст. 141 УПК РФ отсутствует указание на электронную форму заявления о преступлении, тем не менее, как следует из приказа МВД России № 736 от 29.08.2014 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»²⁵, сотрудникам органов внутренних дел надлежит принимать их в любой форме, а электронные обращения после их распечатки приравниваются к письменным.

Средствами фиксации хода следственных действий, протоколирования зачастую являются

плоды века цифровых технологий — гаджеты (смартфоны, планшеты, ноутбуки, цифровые фото- и видеокамеры и др.), именуемые цифровыми средствами фиксации на стадиях досудебного производства по уголовному делу²⁶. Это не противоречит общим правилам производства следственных действий, ведь согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ, при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Однако перед началом следственного действия следователю необходимо предупредить лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств.

Кроме того, как следует из ст. 84 УПК РФ, к числу доказательств относятся и документы, представленные в электронном виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

Приведенный перечень цивилизационных благ, применяемых в уголовном судопроизводстве России, свидетельствует о том, что цифровизация в данной сфере находится на началь-

²⁵ Российская газета. № 260. 14.11.2014.

²⁶ Муленков Д. В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 16.

ной стадии, несмотря на то что это направление является одним из приоритетных в области стратегического планирования государства, а «Цифровые технологии» — один из главных федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Следует отметить, что, согласно данным Мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации²⁷, представленным Росстатом, уровень использования информационно-коммуникационных технологий в России неуклонно растет как в частном, так и в публичном секторе. Примечательно, что использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления существенным образом расширилось. Так, средства электронной цифровой подписи стали применяться гораздо чаще (доля государственных и местных органов, использующих средства электронной цифровой подписи в своей деятельности, увеличилась с 74,5 % в 2010 г. до 90,8 % в 2020 г.). Процент использования в деятельности публичных органов власти системы электронного документооборота вырос на 6,9 единицы: с 72,7 % в 2011 г. до 79,6 % в 2020 г. Почти в три раза повысился уровень готовности органов власти к использованию информационно-коммуникационных технологий для осуществления управленческих функций и предоставления государственных услуг с 2010 по 2020 г.: с 22,4 % до 67,5 % соответственно. Такие темпы внедрения информационных технологий в публичной сфере свидетельствуют о полномасштабном и планомерном оцифровывании деятельности властных структур.

Несмотря на незначительное продвижение цифровизации в сфере уголовного судопроизводства, основная масса цифровых нововведений еще впереди. К числу цифровых технологий, которые предположительно должны проникнуть в уголовное судопроизводство в будущем, следует отнести:

- технологии беспроводной связи;
- большие данные (big data);

- нейротехнологии;
- искусственный интеллект (технологии обработки текстов на естественном языке, технологии распознавания и синтеза речи, технологии компьютерного зрения, разработка интеллектуальных систем поддержки принятия решений) и др.

Одно из направлений развития технологий искусственного интеллекта уже постепенно входит в судопроизводственную сферу. Это набирающее популярность в странах прецедентного права и даже в России направление предиктивной аналитики LegalTech. Эта система, иначе именуемая «предиктивное правосудие», предназначена для упрощения и ускорения поиска судебных прецедентов и оценки шансов на успешный исход конкретного судебного разбирательства²⁸.

И пусть реализация стратегических планов на уровне государства сулит цифровое завтра, право, являясь регулятором общественных отношений, остается сферой сугубо социальной, а следовательно, надежной с точки зрения гуманистической. Уголовный процесс, будучи особой публично-правовой сферой, затрагивающей основные права и свободы человека, не перестает от этого быть социально значимым. В нем есть феномены, по праву занимающие свои приоритетные места, и прочность их позиций едва ли может быть подорвана даже воображаемой межгалактической научно-технической революцией. Речь идет о базовых нравственных началах уголовного процесса, которые представляют действительную ценность для личности, общества, государства.

Личностный и духовный переворот способен произвести бессмертное научное произведение А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе». С учетом наметившихся перспектив этот труд гениального автора приобретает особый смысл, исключительную актуальность и допускает иное прочтение. Предрекая первенствующую роль нравственных начал в уголовном процессе, А. Ф. Кони не мог и предполагать, что в начале XXI столетия роль человека

²⁷ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154882> (дата обращения: 05.04.2022).

²⁸ Филипова И. А. Указ. соч. С. 146.

в судопроизводстве пошатнется так сильно, что личность здесь будет более напоминать фигуру второстепенную, скорее подсобную, а нравственные основы уголовного процесса будут находиться на границе декаданса, рискуя утратить свой первоначальный смысл и основное предназначение²⁹.

Так, отдельные авторы указывают на фактически рудиментарный характер института следователя и бесполезность в новом цифровом мире следственных подразделений. Фигурируют такие рассуждения у С. В. Власовой, которая отмечает, что расследовать преступления в будущем может просто специалист по информационным технологиям, не имеющий отношения к юриспруденции; существует также перспектива замены следователя роботом³⁰.

Вызывают интерес высказывания А. С. Александрова, который постулирует, что следственный аппарат, будучи «паразитарной посреднической государственной структурой», утратит смысл при функционировании новой цифровой следственной платформы³¹.

При оценке таких подходов напрашивается ряд вопросов: куда же денется человек с его биологическим, социальным, творческим началом, если место его будет занято роботами (ботами)? Способны ли роботы разрешить задачи, требующие высокоинтеллектуального индивидуального человеческого подхода? Есть ли смысл в существовании целых отраслей, сфер, формирующихся столетиями, если в них не будет места для человека? И главное, есть ли разумное начало в реформах под эгидой «на благо человечества», если они способны вытеснить самого человека и оставить его на

обочине исторических событий? Не есть ли это путь к самоуничтожению?

Однако не может не быть позиций, сдерживающих антигуманистический научно-прогрессивный пыл отдельных ученых. В частности, С. В. Зуев указывает, что, согласно наиболее распространенному убеждению в научной уголовно-процессуальной среде, основанному на проведенных малоуспешных экспериментах по внедрению робота в следственную деятельность, последний пока способен лишь стать инструментом в руках опытного следователя при решении конкретных задач³².

Глубокие теоретические исследования И. Г. Смирновой, посвященные вопросам социальной ценности уголовного судопроизводства³³, еще более утверждают в сознании мысль о незыблемости прав и свобод человека, необходимости обеспечения им охраны и защиты, недопустимости умаления их ценности и сведения на нет аксиологической ориентированности уголовного судопроизводства, так что технократический подход в процессе внедрения цифровых технологий видится по меньшей мере нецелесообразным и даже опасным с точки зрения сохранения ценности прав и свобод человека.

И всё же нельзя не признать, что тревожная тенденция проявляется в высказываниях, призывающих исключить человека из уголовного процесса, пронизанного страданиями, переживаниями, сочувствием, иногда раскаянием. Подобные мнения воспринимаются как посягательство на нравственные основы уголовного процесса. Неслучайно Л. А. Воскобитова акцентирует внимание на безусловной и неразрывной связи уголовного процесса с человеком: «На

²⁹ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (дата обращения: 07.03.2022).

³⁰ Власова С. В. Указ. соч. С. 15.

³¹ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий. С. 135.

³² Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 119.

³³ Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 20.

протяжении тысячелетий уголовное судопроизводство было традиционно сферой “человеческой” деятельности»³⁴.

В основе уголовно-процессуального права лежат общественные отношения, возникающие между участниками судопроизводства, которые обладают взаимными правами и обязанностями, но, во всяком случае, эти отношения возникают между людьми. И исключить из них человека означало бы исключить и сами правоотношения. В этом случае не нужны будут ни дознаватели, ни следователи. Возможно, отпадет и необходимость в существовании судебного корпуса в том виде, в каком он существует сейчас. И всё же сомнительно, что IT-специалисты и роботы способны будут разрешить даже простейшую следственную задачу. Вместе с тем люди, получающие классическое юридическое образование на протяжении нескольких лет, накапливающие бесценный профессиональный и жизненный опыт в ходе нелегкой практической судебной, следственной деятельности, могут остаться не у дел в случае использования пресловутого технократического подхода в процессе внедрения новейших технологий.

Однако, вновь возвращаясь к изречениям Клауса Шваба о четвертой промышленной революции, находим следующее видение грядущего. По его мнению, «у человечества есть шанс сформировать технологически новый мир, не дегуманизирующий и обезличивающий, а ориентированный на человека». Правда, следует заметить, что ни сам автор приведенного высказывания, ни кто-либо другой не имеет четкого представления о том, как именно технологии изменят нашу жизнь, оставляя место неопределенности и перекладывая груз ответственности за будущее на всех членов глобального сообщества³⁵.

При таких обстоятельствах отношение к сохранению нравственных и гуманистических ос-

нов уголовного судопроизводства законодателя и правоприменителя, в руках которых находятся поводья оцифровывания процессуально-правового пространства, не должно и не может быть индифферентным. В сущности, никто иной не сможет более повлиять на сохранность традиционных ценностей, чем лица, которые имеют непосредственное отношение к воплощению в жизнь реформ.

Думается, что незыблемость нравственных основ уголовного судопроизводства находится в прямой связи с пределами цифровизации уголовного процесса. Ведь с появлением в процессуальной сфере роботов, технологий искусственного интеллекта, развитием нейросетей, увеличением их влияния повышается риск подрыва нравственных основ уголовного процесса. Неслучайно Кристоф Менант указывает, что «эволюционистский сценарий содержит петлю для самосознания человека» и вызывает тревогу: ведь человек, упуская в процессе роботизации аспекты самосознания, способен утратить свое природное назначение³⁶.

Итак, планетарного масштаба цифровизация уже не выглядит как сюжет фантастического произведения. Одни области человеческого бытия более или менее легко впускают в себя информационные новшества XXI в., другие же сферы отличаются идеологической и физической приверженностью к традиционным ценностям и с трудом воспринимают результаты прогресса. Уголовное судопроизводство более тяготеет к реакционности. Тем не менее удобства ради проверенные практикой новаторские технологии становятся частью повседневной судебной-следственной работы. Ключевым здесь является слово «удобство»; иначе говоря, если внедрение общепринятых продуктов авангардных информационно-коммуникационных технологий существенно облегчит деятельность органов по раскрытию и расследованию пре-

³⁴ Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex russica*. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

³⁵ Шваб К. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // *Cogprints*, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (дата обращения: 05.03.2022).

ступлений, органов правосудия, тогда принятие это оправданно и необходимо для того, чтобы работа их была оперативной, эффективной и не была лишена черт модернизма в стремительно развивающейся информационной среде.

При этом есть в уголовном процессе области практически сакральные, неприкосновенные ввиду их принципиальности, охранительной сущности и непосредственной связи с человеком. Речь идет прежде всего о назначении и принципах уголовного судопроизводства, а также о нормах, благодаря которым достигается назначение и реализовываются принципы в уголовном процессе. Нравственная природа таких областей оберегает уголовный процесс от произвола, беззакония, нарушения прав его участников.

Вероятно, преждевременно вести речи о нависшем над нравственными началами уголовного судопроизводства дамокловым мечом в виде неустанно навязываемой цифровизации. Вместе с тем стоит сосредоточить на этом внимание, дабы не упустить важный момент необ-

ходимости сохранения нравственно-правовых ценностей в строгом уголовно-процессуальном мире, находящемся в новых условиях. К слову, защита этих ценностей не может быть дряблой и притворной, а только целенаправленной и надежной.

Думается, что цифровизация при условии следования гуманистическим идеалам способна привести не к разрушению и трансформации принципиальных начал, а к укреплению законности и нравственных основ в уголовном процессе. Это абсолютно точно возможно, и именно это должно стать самоцелью. Иначе разумного начала в этой грандиозной пертурбации попросту нет. Более того, позитивным проявлением перемен представляется то, что цифровизация должна коснуться преимущественно сторон делопроизводственных и организационно-технических, нежели истинно уголовно-процессуальных. В этом случае трансформационные изменения в области судопроизводства не станут началом конца для нравственных основ уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 2. — С. 130–139.
2. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. — СПб. : Петрополис, 2018. — С. 24–34.
3. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 1. — С. 9–18.
4. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — С. 91–104.
5. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 1. — С. 15–25.
6. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 4 (83). — С. 118–123.
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (дата обращения: 07.03.2022).
8. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. — М. : Книжный мир, 2018. — 416 с.
9. Муленков Д. В. Использование цифровых средств фиксации на стадиях досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2008. — 226 с.

10. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 3. — С. 50–55.
11. Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 2012. — 51 с.
12. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. — М. : РАНХиГС, 2021. — 184 с.
13. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие. — Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. — 275 с.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2016. — 208 с.
15. Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // Cogprints, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (дата обращения: 05.03.2022).
16. Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. — 2019. — Vol. 30. — № 4. — P. 1281–1302.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov A. S. Problemy teorii ugovovno-protsessualnogo dokazyvaniya, kotorye nado reshat v svyazi s perekhodom v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Sudebnaya vlast i ugovovnyy protsess. — 2018. — № 2. — S. 130–139.
2. Aleksandrov A. S. Russkiy ugovovno-protsessualnyy dogmatizm ili tsifrovoy mir: chto pobedit? // Yuridicheskaya istina v ugovovnom prave i protsesse: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. K. B. Kalinovskogo, L. A. Zashlyapina. — SPb.: Petropolis, 2018. — S. 24–34.
3. Vlasova S. V. K voprosu o prispособlivanii ugovovno-protsessualnogo mekhanizma k tsifrovoy realnosti // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. — 2018. — № 1. — S. 9–18.
4. Voskobitova L. A. Ugovovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex russica. — 2019. — № 5 (150). — S. 91–104.
5. Golovko L. V. Tsifrovizatsiya v ugovovnom protsesse: lokalnaya optimizatsiya ili globalnaya revolyutsiya? // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2019. — № 1. — S. 15–25.
6. Zuev S. V. Tsifrovaya sreda ugovovnogogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2018. — № 4 (83). — S. 118–123.
7. Koni A. F. Nравstvennye nachala v ugovovnom protsesse (obshchie cherty sudebnoy etiki) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nравstvennye-nachala-v-ugovovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer> (data obrashcheniya: 07.03.2022).
8. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. Iskusstvennyy intellekt. Bolshie dannye. Prestupnost. — M.: Knizhnyy mir, 2018. — 416 s.
9. Murenkov D. V. Ispolzovanie tsifrovyykh sredstv fiksatsii na stadiyakh dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. — Tyumen, 2008. — 226 s.
10. Pobedkin A. V. Etiko-aksiologicheskie riski mody na tsifrovizatsiyu dlya ugovovnogogo sudoproizvodstva (ob oshibochnosti tekhnologichnogo podkhoda k ugovovnomu protsesu) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020. — № 3. — S. 50–55.
11. Smirnova I. G. Sotsialnaya tsennost rossiyskogo ugovovnogogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tomsk, 2012. — 51 s.

12. Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat, chtoby vpolnit / pod red. E. G. Potapovoy, P. M. Poteeva, M. S. Shklyaruk. — M.: RANKhiGS, 2021. — 184 s.
13. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: uchebnoe posobie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet, 2022. — 275 s.
14. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: per. s angl. — M.: Eksmo, 2016. — 208 s.
15. Menant Ch. Information and Meaning in Life, Humans and Robots // Sogprints, 2005. URL: <http://cogprints.org/4531/> (data obrashcheniya: 05.03.2022).
16. Strezhnev A., Simmons B. A., Matthew D. K. Rulers or Rules? International Law, Elite Cues and Public Opinion // European University Institute in Florence. — 2019. — Vol. 30. — № 4. — P. 1281–1302.